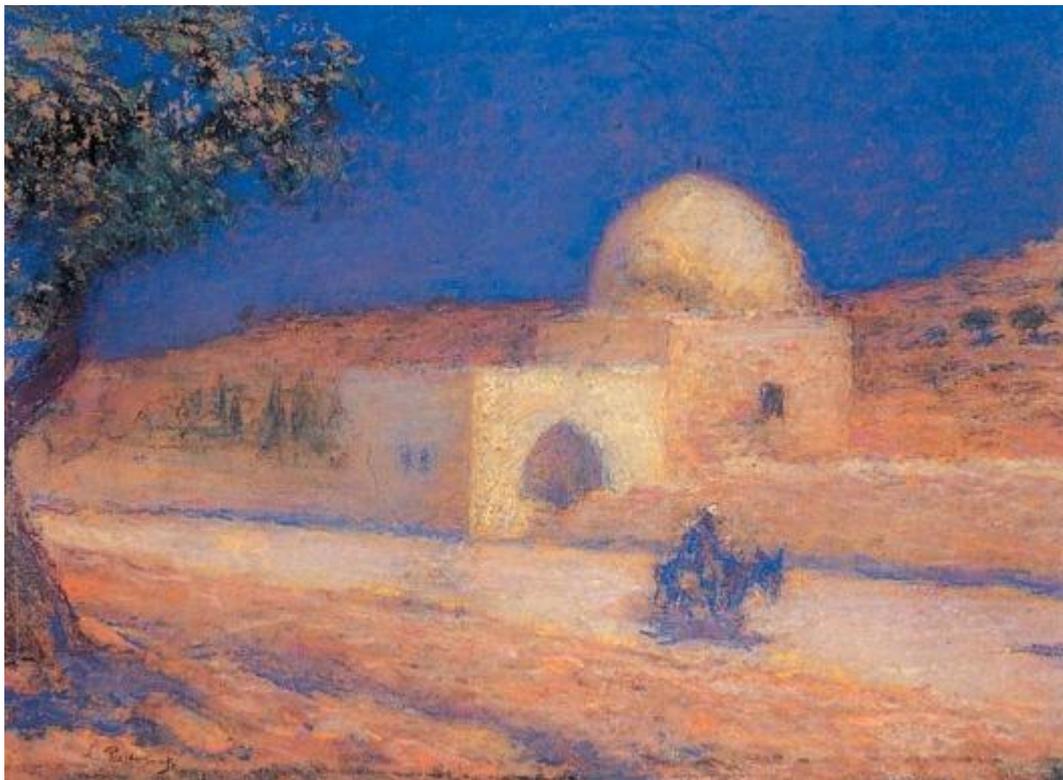

МОЯ ПАЛЕСТИНА

Это было 20 лет назад. Какие-то детали забылись, поэтому заранее прошу у читателей прощения за некоторую неточность изложения. Одно будет точно – мое восприятие этой удивительной страны и всего того, с чем мне там довелось встретиться.

Осенью 1995-го года моя подруга детства Юля, уже жившая некоторое время в Израиле и отдохавшая летом здесь в Эстонии, пригласила меня в гости.

Это было заманчиво, но дорого и страшновато без языка. Она меня уговорила, дала в долг на дорогу и обещала там найти мне работу, чтоб было на что посмотреть святую землю.

Кроме нее в Иерусалиме живет моя Питерская давняя подруга, она бы тоже мне в этом помогла. И я рискнула, но волнение было так велико, что вылилось в сильную ангину, и в путь я пустилась с высокой температурой и сильным кашлем. Мы вылетали из Риги. Салон оказался для курящих – и мне, в моем состоянии, при посадке стало совсем плохо.

Очнулась на земле – надо мной лица сердобольных старушек и испуганной подруги. Юля прислонила меня к стене и стала искать глазами встречающих землячек. Стоял конец октября. Мы были одеты довольно тепло, а здесь – лето. Все вокруг в летних одеждах. Прошло немного времени, и подруга показала

мне группу женщин в закрытых платьях с длинными рукавами и головных уборах – это были ее подруги из маона – религиозного поселка - куда мы и держали путь.

Нас посадили в машину, и мы понеслись по серпантину. Наверное, было красиво, но мне было все равно – скорее бы лечь куда-нибудь. Доехали в полной темноте - я ничего не увидела и провалилась в сон. Две следующие недели бездельничала, т.к. была без голоса и сильно кашляла. Как только спала температура, стала потихоньку выходить из дома и

осматриваться. Вечерами же ходила к проволоке, окружавшей маон, и плакала от непривычно зависимого состояния – ни языка, ни денег, ни здоровья – ничего...

Мы жили в строительном вагончике, приспособленном для временного проживания - с душем и двумя раковинами для посуды, как положено у настоящих иудеев. В таком же вагончике рядом с нами жила семья. Скажу несколько слов об этой семье, поскольку это наши соседи – и мы с ними общались чаще, чем с остальными. Хозяйка семьи – Ади – родом из Йемена, маленькая, кругленькая, смуглая, с огромными черными глазами. Ее муж – Дов – высокий стройный светловолосый красавец из Америки – предмет обожания юных обитательниц маона. По вечерам эти юные создания приходили к вагончику и томными голосами нараспев звали – Дов, Дов... Он выходил и давал им свою смирную лошадь покататься. В этой семье к этому времени было трое сыновей, из которых старшему 4 года, а младшему – год, и Ади ждала четвертого ребенка. Спустя полгода Дов трагически погиб из-за своей глупой шутки. Он ехал в своей открытой машине, сложил из пальцев «пистолет» и со смехом направил его в сторону арабов, стоявших у дороги. Этой шутки ему не простили. Вот как опасно шутить, проезжая по чужой территории.

Маоны и кибуцы (общины) построены на бывшей арабской территории, захваченной в ходе 7-дневной войны 1967 года. Сами маоны охраняются солдатами и окружены колючей проволокой, а за проволокой – арабы. Расскажу сейчас о маоне, каким он представился мне. Назывался наш маон Кармель.

Этот поселок по своему устройству не отличался от соседних, но был поменьше других, и в нем не было школы. А было вот что – по кругу стояли одно- и двухэтажные домики окнами наружу и дверьми внутрь, в самом центре бассейн

для омовения женщин (например, после родов и т.п.) и посуды, если была нарушена кошерность. В центре же небольшой куст роз. Так странно было видеть розы на этой выжженной рыжей земле. Правда, розы слегка припорошены песком. Песок везде – на полу в доме, между рамами окон, скрипит на зубах. Поселок небольшой – его можно обойти за 10-15 минут. В нем есть также детский сад, синагога и маленький магазин (вроде сельпо). В поселке этом живут молодые еврейские семьи. Отцы работают в городе, а матери (в основном) сидят с детьми. Кроме моей подруги одиноких нет, но и у нее в Эстони есть муж. В остальных семьях детей помногу – от трех и до десяти. Люди в маоне молодые – до сорока лет. Женщины и девушки, да и дети очень красивые. Мужчины в кипах и бородах – особенно не разглядишь – да их и не видно. Девочки все ходят в длинных юбках или платьях, кроме самых маленьких. Правда, им разрешают не носить головных уборов до замужества (если я правильно поняла). Мальчики и мужчины одеты попроще и в праздник – белые рубашки с «заповедями» (белыми же тесемками) и черные брюки. Ортодоксы в шляпах и с пейсами (мальчишки в кипах, но тоже с пейсами)...

Женщины в автобусе или в другое незанятое время вяжут своим мужчинам кипы – у кого красивее. В каждом доме есть «дерево», на ветках которого висят очень интересные разнообразные головные уборы, потому что волосы должны быть тщательно спрятаны.

Расскажу, что еще есть в каждом доме маона. Пианино, гитара, скрипка (бывают и другие музыкальные инструменты, но не у всех), на полках тора – подарок молодым на свадьбу. На стенах портреты раввинов (иногда среди них родственники хозяев), картины с сюжетом из Ветхого завета (чаще других Моисей со скрижалями) и картины – аппликации (из мягких комочков ткани с набивкой, очень подходящих для изображения пустыни) и просто рисованные в разной технике... а еще в каждом доме то, что меня напугало в первый раз до ужаса – это Узи под кроватью! Они все готовы защитить себя. Еще одна особенность их домов – дети, снимая одежду, бросают ее на пол где попало, И мне, как новичку в этих краях, было непривычно, а порой и довольно муторно собирать их одежды по дому и определять – какую – в стирку, а какую на полку или в шкаф. Учитывая наличие большого числа детей, мебель строится круглая, без углов, чтоб не стукались.

Народ туда приехал по призыву правительства отовсюду – из Германии, Швейцарии, Франции, Америки и т.д. Но все приняли гиюр, т.е. стали правоверными иудеями. Не было там только бывших жителей Союза – они предпочли коммуны, где этого не требовалось. Итак, мы с вами поговорили о маоне и его жителях. А сейчас я вернусь к нашим соседям, и вот почему. Как-то в один из первых дней пребывания в маоне я вышла утром из домика и увидела козу. Мы обе от изумления остановились, а затем коза пошла на меня. Я даже не успела испугаться, а только удивилась, обнаружив напротив себя плавающие четырехугольники в ее глазах – и даже рассмеялась от такого

зрелища, но коза не шутила – пришлось взять ее за рога и отпихивать от себя (в этот момент она меня уже прижала к стене), но я не отпускала рога и звала Ади ... и Ади спасла меня. В пятницу начинается шабат – и все ходят друг к другу в гости – вот Ади и позвала нас с Юлей на шабат. Им, конечно, было тесновато в вагончике, но достаточно уютно. Мы сели за стол. Обед начался с молитвы, затем глава семьи разломил хлеб и раздал всем. Тогда же я увидела, как строго относятся отцы к поведению детей во время молитвы – мальчуган 4-х лет получил оплеуху за то, что засмеялся, глядя на младшего. После этого он подошел к отцу и поцеловал его руку (со слезами на глазах, но молча). Обед продолжился. Мне очень понравилась еда «по-йеменски» и особенно сладкий десерт. Позже я убедилась, что в шабат всегда угощают чудесными легкими сладкими винами, каких я больше никогда и нигде не пробовала. Дов знал 3-4 предложения на русском языке и гордо провозглашал их время от времени – было трогательно и забавно. Мне тоже пришлось вспомнить школьный английский и что-то иногда лепетать, но, в основном, я, конечно, молчала. После обеда старший мальчишка позвал меня играть в настольную игру и долго и горячо объяснял правила (на иврите) – но я ничего не поняла и твердила только – ай доунт андестенд ю - т.е. я тебя не понимаю. Он рассердился и махая ручонками побежал к Юле, крича – матроса, матроса...- Я спросила у нее, о каких матросах идет речь... Она смеясь ответила, что он кричит – Почему, почему она меня не понимает? Иврит – красивый певучий язык, но учить его приходилось только на слух, что не просто – все предложения заканчиваются вопросительной (в нашем понимании) интонацией и кажется, что все друг друга спрашивают, а никто не отвечает... Много слов с одинаковыми слогами – это тоже непривычно. И вот какой приключился конфуз со мной из-за этих самых повторяющихся слогов. Как-то мы ехали в машине одной жительницы маона, и с ней была маленькая дочка. Девочка хныкала всю дорогу – и мне захотелось ее утешить. Вспомнив слово «красивая» на иврите «йоффа», я попыталась вспомнить и ее имя из одинаковых слогов и наобум сказала – гуз-гуз йоффа! – погладив ее по головке. В ответ раздался детский рев и взрослый смех – мама ее затряслась от хохота за рулем. Оказалось, что я назвала бедного ребенка *тазиком*! Так что будем учить языки, чтоб не попасть в неловкое положение, решила я себе и больше ивритом не пользовалась, кроме слова *сморнут*, что значит – тряпка. В семью этой девочки я попала и на первую свою работу. Надо было сложить пар 30 детских трусиков *вчетверо*! Это было довольно занудно, но работа есть работа, ничего не попишешь. Зато, когда трусики кончились и время вышло, хозяйка посетовала на то, что у нее нет мелких денег. К счастью, зашла соседка и выручила меня. Теперь я знала, что расплачиваться хозяйкам не очень хочется, но у меня не было выхода – и я твердила –Ай вонт май пей –(я хочу свою плату) и ждала, когда отдадут. Следующей работой была глажка. Надо было погладить несколько праздничных платьев. На них была масса оборок, но мне было интересно рассматривать, как и из какого материала сшиты платья правоверных иудейских жен. Ничего подобного мне, пожалуй, и не удалось бы увидеть нигде – разве что в каком-нибудь историческом кино. Итак, эти платья

были строго двуцветные - черно-белые. Было поразительно, сколько вариантов узоров может быть для сочетания этих двух цветов. Вообще, что касается цветовых сочетаний в интерьере домов в маонах, то здесь я еще раз убедилась в талантливости богоизбранного народа. Еще по поводу своеобразных обычаев жительниц маона. Во время шабата молитву поет вся семья, и было странно, что женщины поют специфическими некрасивыми голосами. Выяснилось, что это делается специально в присутствии чужих (независимо от пола гостей). И только в одном доме, где жили биологи из Америки, я увидела женщину без головного убора и услышала изумительное по своей красоте молитвенное пение мужа и жены – правда, это случилось через некоторое время нашего знакомства (я у них тоже убирала). Во время молитвы я тоже молилась про себя, и было очень теплое душевное единение. Они даже догадались, что я христианка и отнеслись с пониманием, а не с недоверием, как принято в Израиле – такие интеллигентные молодые ребята!

Расскажу подробнее об уборке домов. Дом из двух этажей надо убрать полностью + стены, мебель протереть – за то время, что дети в школе, т.е. за 4 часа. Это было не просто. От порошков не спасали перчатки – ночью руки болели так, что приходилось их держать перед собой, как держат их хирурги, чтоб не нарушить стерильность. Наплакалась вдоволь. Зато у меня была рекомендация от Юли – жительницы маона, так что работой я была обеспечена на 3-4 дня в неделю.

Вспоминая Юлю – всегда благодарю ее – ведь если бы не ее упорное приглашение и гостеприимство – навряд ли я отважилась бы на столь дорогое путешествие, и никогда бы мне не довелось побывать в домах истинных правоверных евреев и с ними помолиться, и поесть их вкусные незнакомые еды и посмотреть изнутри на их житье-бытье, т.ч. спасибо моей рано ушедшей подруге и царствие ей небесное...

Возвращусь еще на чуть-чуть в маон. В конце ноября уже не было работы, и я, собрав «по сусекам» моих работодательниц разноцветные лоскутки, стала шить маленьких кукол, благо, девочек в маоне было много. Несколько кукол в национальных одеждах (эстонской, русской и еврейской) повесила на стену Юле на память, а остальных в обычных их (маоновских) одеждах раздала маленьким девчонкам. Им не покупают Барби или что-то подобное, а эти были приняты благосклонно, и сколько было радостных моментов, когда какая-нибудь кроха подбегала ко мне, дергала за юбку и показывала на маленький кармашек на груди, из которого торчала мое изделие. А в Эстонию можно было легко дозвониться из автомата, что был за Юлиным домом и стоял на качающемся камне, но работал бесперебойно, и связь была отличная. Звонила я нечасто, а радостные письма писала каждый день и получала подробные письма в ответ, за что спасибо моей таллиннской подруге – это было очень важно в тот момент.

Итак, 1 декабря 1995 года я была «с рук на руки» передана в Иерусалиме дочери моей питерской подруги - Тане. Идем и едем по Иерусалиму.

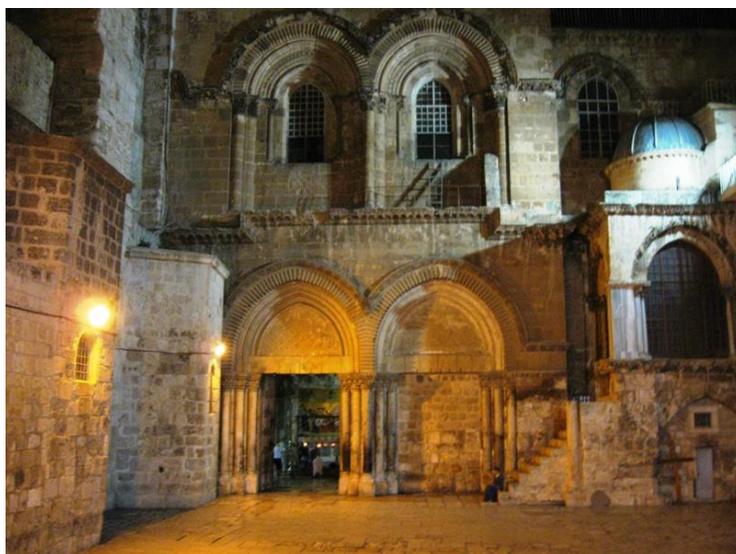
Шумный многоголосый город со светлыми зданиями, во двориках растут мандариновые и лимонные деревья. Они кажутся ненастоящими мне, жительнице Эстонии. После маона здесь шумно и многолюдно. Люди обычные, хотя попадаются ортодоксы в шляпах поверх кипы, но основная толпа как в любом другом городе. В автобусе ортодоксы не садятся с женщинами рядом и не разговаривают – не положено. Кругом масса лавочек, но мне неинтересно – хочу только увидеть святые места. Таня везет меня в Горный монастырь. Ее там хорошо знают – она пишет иконы и шьет одеяния для монастыря.

Нас селят в келью недавно почившей схимонахини Анны. Келья беленькая-беленькая – и даже я чувствую намоленность этого места. Танюша открывает свой баул и накрывает стол как в Питере – мы пьем чай и беседуем, беседуем – ведь не виделись лет 10, наверное. Выходим из кельи наощупь – тьма кромешная – идем за руки, чтоб не потеряться – дорогу назад я точно не найду одна. Утром идем пешком в монастырь св. Иоанна Предтечи, где в пещерке пряталась Елизавета с младенцем Иоанном. Нас приветливо встречает французский монах, угощает кофе с о сладостями и разрешает побывать в пещерке, где прятались мать с младенцем. Перед пещеркой маленький водоем.

Мы быстренько в него окунаемся и, освежившись, заходим в пещерку. Здесь вспоминаем все тропари, какие приходят в голову, и поем- поем – в этом святом месте хочется петь и молиться – все существо твое поет от радости. Так мы пели долго, пока не услышали за занавесочкой у входа в пещеру какой-то легкий шорох. Выглянули и ахнули от умиления – целый класс местных учеников – подростков ждет, когда можно будет попасть в пещерку ... Они нас радостно приветствовали, спросили – откуда мы – и радостно махали вслед. Не чудо ли? И еще благодарили за пение... Следующий поход был по дороге страданий Христа – из Гефсимании ко гробу Господню. Танюша рассказывала, а я еле сдерживала слезы от радости и одновременно от страха – все время ждала, что дальше *меня* не пустят, *такую как я есть!* А все двери открывались – и даже там, где шел ремонт. Абсолютно все! Это было чудо чудное – *и все стало правдой. И ОН нас вел.*

После посещения Гроба Господня мы поехали в Горний, а ночью вместе с монахинями пришли снова в этот храм на всюнощную под Введение Богородицы во храм. Всю службу я проплакала от радости, переполнявшей сердце. В воздухе носились синие огоньки *пасхального огня*. До сих пор этот праздник для меня особый – я снова в этот день у Гроба Господня! Мы остались на ночь в храме. Поднялись «на Голгофу» и легли спать на скамьях. Разбудили нас громким пением армяне. Очень громко пели!

Вскоре мы отправились в небольшой городок миллионеров – Рамат-Ган, где многие дома стоят на сваях. В этом городе мне была предоставлена возможность еще поработать. Питерская подруга доверила мне свою подопечную на две недели, и быстро введя меня в курс дела и написав подробную инструкцию, поехала отдыхать в Тиверию. Я осталась присматривать за Эткой. Ее квартира находилась на втором этаже дома на сваях. Красивая мебель красного дерева без единого гвоздя – наследство ее покойного мужа, удобная просторная квартира с каморкой для прислуги, где я и спала. Этка – мать миллионера, польская еврейка, хорошо говорила по-русски и вполне справлялась с собой, но обширный склероз отнял у нее бытовую память – она помнила все, что было с ней во время войны, как умерла от голода дочка, как она бежала от немцев – но ничего или почти ничего из сегодняшней жизни. Меня очень забавляла избирательность ее памяти – рассматриваем фотографии – на них сын с невестой. Эткины комментарии – это

Израиль с какой-то девушкой – я ее не знаю... или внуки с невесткой – и опять она ее не узнает «в упор».

Итак, мне было нужно находиться при ней круглосуточно – готовить, подавать вовремя на еду и лекарство и *очень быстро* бегать в магазин, чтобы хозяйка не испугалась и не случился бы, не дай Бог, сердечный приступ – на этот случай существовала записка, написанная *ее рукой* о том, что Лариса (ее постоянная нянька) ушла в магазин и скоро вернется. Была еще в доме кнопка, с помощью которой можно было срочно вызывать «скорую». Лариса говорила, что не раз ею пользовалась.

Бывали за эти две недели и забавные случаи.

Как-то побежала я в магазин за крылышками для бульона. Вхожу в магазин – витрина пустая – и я с ужасом понимаю, что в голове у меня только одно эстонское слово *кана*, а кроме этого – как на витрине... Выходит высоченный красавец, смотрит вопросительно, а я молчу и краснею. И вдруг он говорит – «А вы не з Киева будете?» - я вздохнула с облегчением.

В другой раз - Этка попросила фиников – опять провал в памяти, помню, только, что они в круглой коробке «э раунд бокс». Пришла к зеленщику, пытаюсь объяснить – не понимает. Участвует весь магазин. Все тыкают в круглые маленькие фрукты... Наконец, хозяин лезет куда-то на полку и достает эту злосчастную коробку. – «Тмарин» - провозглашает он громко. И то правда, как я не догадалась что финик на иврите «просто» *тмарин!*

Прошли две недели. Подруга вернулась, я повела ее в ванную, чтоб похвастаться, сколько белья настирала. А белье сушится за окном. А рамы у израильтян ходят по пазам. Лариса подошла к окну и тихо подозвала меня. Я ахнула. Рама *вышла из паза и стояла прислоненная к стене*. Мы вставили раму на место – и я осела на пол, потому что окно над крыльцом – и какой мог быть кошмар!!! - «Ну, ты в рубашке родилась» - только и сказала моя подруга. Так милостив ко мне Господь! Расставались мы с Эткой со слезами. Она все причитала и трепала меня по щеке, все пыталась подарить что-нибудь из своего гардероба, но мне, толстухе, ничего не лезло. Тогда она достала шкатулку с украшениями и предложила мне выбрать что-нибудь. Я выбрала бусы – и она порадовалась.

А я еще неделю путешествовала по Израилю благодаря стараниям моей подруги. Она меня пристроила в какую-то украинскую группу – из той экскурсии остался в памяти монастырь Креста. Мне там было так благодатно, хоть оставайся насовсем. Я и стояла как вкопанная, пока монах вежливо не показал, куда направилась группа.

В храме Гроба Господня была еще 2 или 3 раза и всегда было тихо и безлюдно, можно было плакать сколько душе угодно. Однажды перед отъездом кинулась

с плачем на камень помазания – не помню, сколько рыдала, только очнулась от легкого шуршания. Подняла голову - вокруг толпа – и все молчат. Убежала скорей. Здесь люди становятся сострадательными – вот что такое Святая земля. Побывали мы с Ларисой и на Иордане. Окунули (бесплатно) руки и ноги. Вода мутная и желтая – нехолодная, несмотря на декабрь. Побродили по берегу озера Генисарет и у самой воды, но там опасно ходить босиком – много мусора, к сожалению.

В церкви св. Петра долго смотрела на мозаичные пенно – словно окунулась в то время. В Яффо чудесная набережная, и монастырь Петра и Павла, где я долго искала икону св. Серафима Саровского, а когда нашла, то не удивилась, что он с иконы меня благословил – на *этой* земле все возможно. Побывали мы и в часовне Тавифы, где находится икона, написанная Таней. Кстати, Танечка подарила и мне икону – на ней изображена св. прав. Анна. Подарки сыпались как с неба. Один умелец подарил мне русскую церквушку на бересте, а художница из Армении – чудесную акварель с видом Цфата, и даже духи Израильские мне тоже подарили – больше мне нечего было хотеть. Я даже стала бояться своих желаний, потому что там они все исполнились.

Что еще вспоминается... как бродили по Русскому саду и собирали из-под деревьев грейпы – потом всех угощали, как стояли у часовни св. Марии Магдалины и молились...

Как заблудились в заколдованном городе Цфате – 3 раза шли по кругу, пока, наконец, вышли. Как меня ужалила пчела – 31-го декабря! Как справляли в этой пустынной стране Новый 1996-й год в гостях у гостеприимной армянской художницы, чудом спасшейся из армянской деревни, куда ее заточил с детьми ревнивый муж, и уехавшей поэтому из СССР. Еще были в гостях у кукольницы, чья дочь погибла во время теракта. Она подарила мне фарфоровую кукольную голову, но я не могла этот подарок у себя держать – от него исходила такая боль! Мы положили этот подарок где-то в укромном месте на природе.

Путешествие хотелось продолжить, но пора было и честь знать. И так меня принимали как королеву английскую. А дома была уже старенькая мама. Надо было возвращаться.

Счастливая, я ехала в аэропорт, где меня провожала Юля из Маона – по закону они отвечают за своих гостей до конца пребывания.

Когда я вышла из самолета в Риге, то была потрясена, подняв глаза к небу – внутреннему взору открылся черный купол.

Слава Богу за все!

Н.Б.